

АКАДЕМИЯ НАУК РЕСПУБЛИКИ ТАТАРСТАН
МАРИЙСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

ПОВОЛЖСКАЯ
АРХЕОЛОГИЯ

№ 1 (7)

2014

Главный редактор

Член-корреспондент АН РТ Ф.Ш. Хузин

Заместители главного редактора:

доктор исторических наук А.Г. Ситдигов

доктор исторических наук Ю.А. Зеленев

Ответственный секретарь — кандидат ветеринарных наук Г.Ш. Асылгараева

Редакционный совет:**Р.С. Хакимов** — вице-президент АН РТ (Казань, Россия) (председатель)**Х.А. Амирханов** — член-корреспондент РАН, доктор исторических наук, профессор (Махачкала, Россия)**И. Бальдауф** — доктор наук, профессор (Берлин, Германия)**П. Георгиев** — доктор наук, доцент (Шумен, Болгария)**Е.П. Казаков** — доктор исторических наук (Казань, Россия)**Н.Н. Крадин** — член-корреспондент РАН, доктор исторических наук, профессор (Владивосток, Россия)**А. Тюрк** — PhD (Будапешт, Венгрия)**И. Фодор** — доктор исторических наук, профессор (Будапешт, Венгрия)**В.Л. Янин** — академик РАН, доктор исторических наук профессор (Москва, Россия)**Редакционная коллегия:****А.А. Выборнов** — доктор исторических наук, профессор (Самара, Россия)**М.Ш. Галимова** — кандидат исторических наук (Казань, Россия)**Р.Д. Голдина** — доктор исторических наук, профессор (Ижевск, Россия)**И.Л. Измайлов** — кандидат исторических наук (Казань, Россия)**С.В. Кузьминых** — кандидат исторических наук (Москва, Россия)**А.Е. Леонтьев** — доктор исторических наук (Москва, Россия)**Т.Б. Никитина** — доктор исторических наук (Йошкар-Ола, Россия)**Ответственный за выпуск:****Б.Л. Хамидуллин** — кандидат исторических наук (Казань, Россия)**Адрес редакции:**

420012 г. Казань, ул. Бултерова, 30

Телефон: (843) 236-55-42

E-mail: arch.pov@mail.ru<http://archaeologie.pro>

Индекс 31965, каталог «ПОЧТА РОССИИ»

Выходит 4 раза в год

© Академия наук Республики Татарстан», 2014

© ФГБОУ ВО «Марийский государственный университет», 2014

© Журнал «Поволжская археология», 2014

Editor-in-Chief:

Corresponding Member of the Tatarstan Academy of Sciences **F.Sh. Khuzin**

Deputy Chief Editors:

Doctor of Historical Sciences **A.G. Sitdikov**

Doctor of Historical Sciences **Yu.A. Zeleneev**

Executive Secretary — Candidate of Veterinary Sciences **G.Sh. Asylgaraeva**

Executive Editors:

R.S. Khakimov — Vice-Chairman of the Tatarstan Academy of Sciences (Institute of History named after Shigabuddin Mardzhani, Tatarstan Academy of Sciences, Kazan, Russian Federation) (chairman)

Kh.A. Amirkhanov — Doctor of Historical Sciences, Professor, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences (Dagestan Regional Center of the Russian Academy of Sciences, Makhachkala, Russian Federation)

I. Baldauf — Doctor Habilitat, Professor (Humboldt-Universität zu Berlin, Berlin, Germany)

P. Georgiev — Doctor of Historical Sciences (National Archeological Institute with Museum, Bulgarian Academy of Sciences, Shumen Branch, Shumen, Bulgaria)

E.P. Kazakov — Doctor of Historical Sciences (Institute of Archaeology named after A. Kh. Khalikov, Kazan, Russian Federation)

N.N. Kradin — Doctor of Historical Sciences, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences (Institute of History, Archaeology and Ethnology, Far East Branch of the Russian Academy of Sciences, Vladivostok, Russian Federation)

A. Türk — PhD (Institute of History, Research Centre for the Humanities, Hungarian Academy of Sciences, Budapest, Hungary)

I. Fodor — Doctor (Hungarian National Museum, Budapest, Hungary)

V.L. Yanin — Doctor of Historical Sciences, Professor, Academician of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russian Federation)

Editorial Board:

A.A. Vybornov — Doctor of Historical Sciences, Professor (Samara State Academy of Social Sciences and Humanities, Samara, Russian Federation)

M.Sh. Galimova — Candidate of Historical Sciences (Institute of Archaeology named after A. Kh. Khalikov, Kazan, Russian Federation)

R.D. Goldina — Doctor of Historical Sciences, Professor (Udmurt State University, Izhevsk, Russian Federation)

I.L. Izmaylov — Candidate of Historical Sciences (Institute of Archaeology named after A. Kh. Khalikov, Kazan, Russian Federation)

S.V. Kuz'minykh — Candidate of Historical Sciences (Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation)

A.E. Leont'ev — Doctor of Historical Sciences (Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation)

T.B. Nikitina — Doctor of Historical Sciences (V.M. Vasilyev Mari Research Institute of Language, Literature and History, Yoshkar-Ola, Russian Federation)

Responsible for Issue — Candidate of Historical Sciences **B.L. Khamidullin**

Editorial Office Address:

Butlerov St., 30, Kazan, 420012, Republic of Tatarstan, Russian Federation

Telephone: (843) 236-55-42

E-mail: arch.pov@mail.ru

http://archaeologic.pro

© Tatarstan Academy of Sciences (TAS), 2014

© Mari State University, 2014

© "Povolzhskaya Arkheologiya" Journal, 2014

СОДЕРЖАНИЕ

Статьи

<i>Мельникова О.М.</i> Историографические размышления в связи с юбилеем В.Ф. Генинга	6
<i>Голдина Р.Д.</i> В.Ф. Генинг и проблемы изучения гляденовско-пьяноборского времени в Приуралье	26
<i>Черных Е.М.</i> О жилищах гляденовской культуры и некоторых аспектах адаптации древних пермян к природным условиям и особенностям хозяйственной деятельности (возвращаясь к исследованиям В.Ф. Генинга середины прошлого века)	46
<i>Журавлева Г.Н.</i> Предварительные итоги изучения Нырғындынского II могильника по раскопкам В.Ф. Генинга	69
<i>Лецинская Н.А.</i> «Жертвенные комплексы» пьяноборских могильников бассейна р. Вятки	92
<i>Останина Т.И.</i> Развитие взглядов В.Ф. Генинга и других исследователей на мазунинскую культуру	114
<i>Руденко К.А.</i> В.Ф. Генинг и вопросы археологии Волжской Булгарии	136
<i>Шутова Н.И.</i> Археолого-этнографические исследования в Удмуртии	149
<i>Овчинникова Б.Б.</i> Искер – Кучумово городище (археологические исследования 1968 года)	166
<i>Макаров Л.Д.</i> В.Ф. Генинг и русские памятники Вятского края	194
<i>Смагулов Е.А.</i> Бронзовый амулет из Сидака	206
<i>Владимиров Г.В.</i> Серьги в виде знака вопроса из Дунайской Болгарии (XIII–XIV вв.): происхождение и ареал распространения	223
<i>Исаков Р.В., Афоньков Н.Н., Архангельский М.С., Павленко Ю.А., Шереметьев А.Г.</i> К вопросу атрибуции золотоордынских накладок из курганного могильника Маляевка-V	233

Археология и естественные науки

<i>Колода В.В., Чендев Ю.Г., Борбукова Д.А., Дудин Д.И.</i> Эволюция почв и природной среды на южном участке восточноевропейской лесостепи (на примере исследования городищ Харьковской области)	247
---	-----

Критика и библиография

- Богачев А.В.* Рец. на: Голдина Р.Д. Неволинский могильник VII–IX вв. в Пермском Предуралье. Материалы и исследования Камско-Вятской археологической экспедиции. Т.21. Ижевск, 2012. 472 с., илл. 268
-

Хроника

- Ситдинов А.Г., Шакиров З.Г.* Научная деятельность Национального центра археологических исследований Института истории АН РТ в 2013 году 275
- Хузин Ф.Ш., Ситдинов А.Г., Айдарова Г.Н., Забирова Ф.М., Нугманова Г.Г., Хабибуллин М.М.* Памяти С.С. Айдарова (1928–2014) 284
- Казаков Е.П., Измайлов И.Л.* Равиль Габдрахманович Фахрутдинов (1937–2014) 287
- Список сокращений 291
- Правила для авторов 293

CONTENTS

Articles

Melnikova O.M. Historiographical thoughts in connection with the anniversary of Vladimir Fedorovich Gening 6

Goldina R.D. V.F. Gening and research problems of the glyadenovo- pyanoborye times in the Cis-Urals region 26

Chernykh E.M. On the dwellings of the Glyadenovskaya culture and some aspects of adaptation to natural conditions and features of economic activities by the ancient Permians (back to V.F. Gening's researches during the middle of XX century) 46

Zhuravleva G.N. Preliminary results of the Nyrgyndinsky II cemetery researches according to Gening's excavations 69

Leshchinskaya N.A. «Sacrificial sets» of the Pyanoborye burial grounds in the Vyatka river basin 92

Ostanina T.I. Evolution of V.F. Gening's views and other researcher's ones on the Mazuninskaya culture 114

Rudenko K.A. V.F. Gening and issues on the archaeology of Volga Bulgaria 136

Shutova N.I. Archaeological-ethnological researches in Udmurtia 149

Ovchinnikova B.B. Isker – Kuchum fortified settlement (archaeological research of 1968) 166

Makarov L.D. V.F. Gening and Russian archaeological sites in the Vyatka river region 194

Smagulov E.A. Bronze amulet from Sidak 206

Vladimirov G.V. Question mark shaped earrings from Danube Bulgaria (the XIII–XIV cc.): origin and area of spread 223

Isakov R.V., Afon'kov N.N., Arkhangelsky M.S., Pavlenko Ju.A., Sheremet'ev A.G. Concerning the issue on attribution of the Golden Horde placues from the mound ground the Malyaevka-V 233

Archaeology and Natural Sciences

Koloda V.V., Chendev Yu.G., Borbukova D.A., Dudin D.I. Evolution of soils and natural environment in the south area of the east european forest-steppe (on example investigation of the hill-forts located in Kharkov oblast) 247

Critique and Bibliography

Bogachev A.V. Review of the book:

Goldina R.D. The Nevolino cemetery of the VII–IX cc.
in the Perm Cis-Urals region. Proceedings and researches
of the Kama-Vyatka archaeological expedition.

Izhevsk, 2012, vol. 21, 472 p., ill. 268

Chronicle

Sitdikov A.G., Shakirov Z.G. Research activity by National Center
of Archaeological studies of Institute of History of

Tatarstan Academy of Sciences in 2013 275

*Khuzin F.Sh., Sitdikov A.G., Aydarova G.N.,
Zabirova F.M., Nugmanova G.G., Khabibulin M.M.*

In memory of S.S. Aydarov (1928–2014) 284

Kazakov E.P., Izmaylov I.L.

Ravil Gabdrakhmanovich Fakhрутdinov (1937–2014) 287

List of abbreviations 291

Rules for authors 293

УДК 903.02

РАЗВИТИЕ ВЗГЛЯДОВ В.Ф. ГЕНИНГА И ДРУГИХ ИССЛЕДОВАТЕЛЕЙ НА МАЗУНИНСКУЮ КУЛЬТУРУ

© 2014 г. Т.И. Останина

Статья посвящена истории изучения мазунинской культуры (III–V вв.) в Среднем Прикамье. Начало исследования и теоретического обоснования этой культуры положил видный советский археолог В.Ф. Генинг. Им были получены значительные археологические материалы, относящиеся к данной культуре, в результате разведок и раскопок на территории Удмуртии и Башкирии начиная с 1954 г. В статье детально проанализированы публикации и сюжеты В.Ф. Генинга, связанные с памятниками мазунинской культуры. Прослежена эволюция взглядов ученого на ее основные элементы (территория, вещевой материал, погребальный обряд, датировка, происхождение, культурные связи и дальнейшая судьба). Впоследствии изучение новых, не известных ранее, памятников дало возможность углубить знания по многим проблемам раннего средневековья в Среднем Прикамье, в том числе в отношении мазунинской культуры. Это привело к появлению разных точек зрения на данную культуру как у современников В.Ф. Генинга, так и у исследователей последующего поколения, которые также приводятся и анализируются.

Ключевые слова: археология, Прикамье, раннее средневековье, мазунинская культура, В.Ф. Генинг, территория, инвентарь, погребальный обряд, этногенез, дискуссии.

В 1954 г. на основании распоряжения Совета Министров УАССР была организована Удмуртская археологическая экспедиция, которую возглавил В.Ф. Генинг, выпускник Пермского госуниверситета, в то время работавший в должности заместителя директора по науке Удмуртского республиканского краеведческого музея (ныне Национальный музей УР им. К. Герда). В 1954–1956 гг. УАЭ сосредоточила свои работы в южных прикамских районах Удмуртии. В течение указанных трех лет В.Ф. Генингом проводились раскопки Мазунинского могильника, давшего имя новой, выделенной им культуре – мазунинской. Могильник находится вблизи с. Мазунино Сарапульского района УАССР (ныне УР). Памятник был известен

в науке еще в конце XIX в. В 1894 г. профессор Казанского университета И.Н. Смирнов обследовал могильник, но не обнаружил там «целых погребений» (Генинг, 1958, с. 177).

Проводя археологические раскопки могильника, вещевой материал и погребальный обряд которого во многом отличался от хорошо известных ему пьяноборских памятников, В.Ф. Генинг пытался определить его историческое место. Так, в первый год раскопок некрополя, давший всего 15 погребений, позволил ему отнести его к «типу Бахмутинского могильника (конец V–VI в.)». По мнению Владимира Федоровича, на территории Прикамья наиболее близкими к нему были Сайгатский и Сарапульский, а переходным могильником являлся

Нырғында I. Население, оставившее подобные памятники, генетически связано с населением пьяноборской культуры (Генинг, Отчет УАЭ за 1954 г., л. 242). В 1955 г., после вскрытия еще 40 погребений, он уже писал, «что в нем чрезвычайно мало черт преемственности с пьяноборской археологической культурой», а могильник датировал IV–VII вв. (Генинг, Отчет за 1955 г., л. 14). И он предположил, что население, оставившее Мазунинский могильник, выходцы с р. Белой – племена бахмутинской культуры, занявшие в IV–V вв. правобережье Камы (Генинг, Отчет УАЭ за 1955 г., л. 15). Однако в 1956 г. после окончания раскопочных работ на могильнике (всего вскрыто 69 погребений) он меняет свою точку зрения на происхождение населения выделенной им культуры: пришельцы на среднюю Каму из круга угорских племен. Наибольшую близость он видит в погребальном обряде харинских курганных захоронений Верхнего Прикамья (Генинг, Отчет УАЭ за 1956 г., л. 17–20).

В этом же году один из отрядов УАЭ под руководством В.Е. Стоянова начал раскопки открытого им Нырғындынського могильника, расположенного в Каракулинском районе Удмуртии (всего вскрыто 8 погребений). Найдены артефакты, аналогичные вещам Мазунинского могильника (Генинг, 1958, с. 169), тем самым была пополнена источниковедческая база выделенной культуры. В 1956 г. разведывательным отрядом УАЭ под руководством В.А. Семенова был открыт еще один могильник – Нивский – в бассейне р. Сивы, правого притока Камы, с материалом, подобным вещам из Мазунинского могильника. Полученные отрядом вещи были до-

статочно выразительными: височные подвески, обломок от бабочковидной фибулы, гривны с бронзовой навивкой (Семенов, 1967, с. 119–122).

В этом же году еще один могильник с аналогичным материалом был исследован силами Камской и Удмуртской археологических экспедиций на Каме около с. Сайгатка Пермской области. Под руководством В.Е. Стоянова было исследовано 43 погребения (Стоянов, 1962, с. 117–134). В 1957 г. был случайно открыт и обследован В.Ф. Генингом еще один одновременный могильник – Ижевский – в бассейне р. Иж, правого притока р. Камы. На нем было вскрыто 38 погребений (Генинг, 1967, с. 123–140).

Таким образом, за 4 года раскопочно-разведочных работ УАЭ была создана источниковедческая база (161 погребение), которая долгое время оставалась без изменений и легла в основу теоретических построений В.Ф. Генинга.

Если первые свои мысли о своеобразии памятников послепьяноборского времени он выражал в текстах Отчетов УАЭ, то в 1958 г. в научно-популярной книге «Археологические памятники Удмуртии» (1958) в разделе «Археологические культуры III–IX вв.» исследователь выделяет отдельным текстом тему «Мазунинская культура». Здесь в краткой форме он дает описание находок, погребального обряда, занятий населения в III–VI вв., приводя в основном примеры из результатов собственных раскопок на городище Чеганда I и Мазунинского могильника. При этом он отмечает, что «мазунинская культура выявлена лишь в последние годы, изучена далека недостаточно» (Генинг, 1958, с. 80). Он дает археологическую карту этой

культуры, где число памятников насчитывается в количестве 34 (Генинг, 1958, рис. 29,33).

На более высоком теоретическом уровне Владимир Федорович подходит к культурам Прикамья в эпоху железа, в том числе и мазунинской, в 1959 г. в статье, изданной в «Трудах Казанского филиала Академии наук СССР» (Генинг, 1959, с. 200–204). Он обращает особое внимание на происхождение населения и отмечает наибольшую близость к бахмутинской культуре, так как та и другая этнически происходит из большой угорской общности в результате продвижения южно-уральских и западно-сибирских племен на запад (Генинг, 1959, с. 201). Он повторяет информацию 1958 г. о наиболее ярких категориях предметов и элементах погребального обряда Мазунинского могильника. Указывая на запустение удмуртского Прикамья в VII в., ученый сожалеет, что на современном этапе не может определить дальнейшую судьбу населения данной культуры.

Исходя из текста статьи В.Ф. Генинга, можно выделить следующие характерные черты мазунинской культуры:

- территория расселения – Прикамская Удмуртия;

- датировка культуры – III–VI вв.;

- основные специфические вещи: височные подвески, ожерелья из бус и спиральных пронизок, поясные наборы с медными накладками шпулькообразной формы, застежки-фибулы с круглым или овальным щитком;

- специфические элементы погребального обряда: украшения сложены в берестяной сосуд, стоящий у изголовья или у ног, поясной набор лежит всегда вытянуто с правого бока;

- культура не имеет ничего общего с пьяноборской культурой;

- наибольшая близость к памятникам бахмутинской археологической культуры (Генинг, 1959, с. 201–202).

Ученый стремится доказать особое положение мазунинской культуры, сравнивая ее с харинскими, полемскими, бахмутинскими памятниками на основе имеющихся в то время материалов. Это была его первая попытка заявить о существовании мазунинской, да и других (полемской, азелинской, ломоватовской) культур, согласно своему видению средневековой этнической истории Прикамья. Тогда, возможно, ему не хватило времени для большей аргументации своих взглядов. Это будет сделано Владимиром Федоровичем в научном сборнике, полностью посвященном памятникам мазунинской культуры (1967, с. 7–84).

Основные положения по мазунинской культуре были еще раз подтверждены В.Ф. Генингом в его совместной с В.Е. Стояновым статье в научном сборнике, посвященном второму Уральскому археологическому совещанию в Свердловске (Генинг, Стоянов, 1961, с. 82). При этом была уточнена дата культуры (III–V вв.), ее территория (правый, частично левый берег р. Камы от с. Сайгатка до р. Иж, низовье р. Белой). Увеличено число элементов погребального обряда и категорий вещей, характерных для указанной культуры.

В конце 1950 – начале 1960-х гг. на территории Башкирии ведутся значительные археологические исследования. Особенно большой вклад внес Н.А. Мажитов, научный сотрудник ИИЯЛ БФАН СССР. На Бирском могильнике в течение пяти лет, начиная

с 1958 г., им было вскрыто 206 погребений. В 1959 г. Н.А. Мажитов обнаружил 18 погребений Каратамакского могильника, а в 1960 г. – 14 погребений Бахмутинского. Все эти памятники исследователь отнес к бахмутинской культуре, выделенной А.В. Шмидтом и датированной им V–VII вв. Характерными чертами культуры Бахмутинского могильника, по мнению последнего, являлись: 1) прямоугольные, с чуть закругленными углами, ямы со средней глубиной 135 см; 2) костяки лежат вытянутые на спине; 3) погребенные погребались одетыми, с украшениями; 4) горшки ставились в изголовье, в ноги и на грудь; 5) ножи прикреплялись к поясу (Шмидт, 1929, с. 16–25).

В первых статьях по осмыслению новых материалов Н.А. Мажитов, наблюдая отличие от Бахмутинского могильника, погребального обряда и вещевого материала объясняет эту разницу хронологией памятников. Для чего выделяет ранний этап культуры (III–IV вв.), в который он включает Каратамакский могильник, 40 погребений Бирского и более 10 погребений Бахмутинского могильников (Мажитов, 1962, с. 66, 69, 70).

В статье «К изучению археологии Башкирии I тысячелетия нашей эры» Н.А. Мажитов уделяет большое внимание происхождению и территории бахмутинской культуры. Автор приходит к мысли о том, что «средневековые памятники типа Мазунинского, Ижевского, Сайгатского...» и по погребальному обряду, и по вещевому материалу близки к раннебахмутинским памятникам (Мажитов, 1964, с. 102). Эти памятники, по его мнению, объединяют бронзовые височные подвески с напускными бусинами, состав

ожерелий, в т.ч. большие крупные подвески из раковин; поясные наборы, редкое нахождение или отсутствие глиняных сосудов в могильниках; жертвенные комплексы из женских украшений. На основе этих данных автор приходит к заключению, что признаки мазунинской культуры характеризуют не собственно культуру, а вариант бахмутинской археологической культуры. Кроме Н.А. Мажитова пытался отрицать этнокультурное своеобразие мазунинских памятников и А.П. Смирнов (Смирнов, 1964), также относя памятники к бахмутинской культуре.

В 1967 г. В.Ф. Генинг делает всесторонний анализ памятников мазунинской культуры, чтобы выявить их место в истории населения Прикамья (Генинг, 1967, с. 7–84). Рассмотрим, как раскрывал Владимир Федорович основные черты мазунинской культуры и как затем они будут рассматриваться другими исследователями, а именно: определение территории; типология керамического материала и сооружений, в т.ч. жилищ; типология вещевого материала с выделением специфических черт культуры; определение элементов погребального обряда; разработка хронологии; а также решение вопросов происхождения и дальнейших судеб культуры.

Территория культуры. Памятники. Территорию распространения памятников ученый определил следующим образом: «она занимает южную часть среднего течения р. Камы от устья р. Сивы (г. Воткинск – с. Сайгатка) до устья р. Ик; среднее течение р. Иж и низовья р. Белой от с. Дюртюли» (Генинг, 1967, с. 8–9). К археологической карте культуры (1967, рис. 1) он прилагает список памятников (все-

го 97). Как показали дальнейшие исследования памятников, полученные в результате раскопок или повторных разведочных работ, не все они относятся к данной культуре. При детальном анализе материалов, отражающих их культурную принадлежность, оказалось, что 15 из них относятся к кругу памятников ананьинской, пьяноборской культур, даже к позднему Средневековью (Болгурская находка).

Положительно следует оценить и то, что В.Ф. Генинг довольно верно наметил пути дальнейших разведочных работ по выявлению и уточнению территории культуры: исследование левых притоков Камы (Буй, Сайгатка, Березовка), к западу от р. Иж. Археологические разведывательные работы Удмуртского республиканского краеведческого музея (1974, 1978–1980), разведывательных отрядов Камско-Вятской археологической экспедиции в 1973, 1975–1980 гг. в западных районах УАССР и на притоках Камы, а также в бассейне р. Тулвы с 1977 г. по 1989 г. (Казанцева, 2004) выявили достаточно точно восточные и западные границы мазунинской культуры в рамках территории Удмуртии, Татарии и Пермской области. Большой вклад по изучению памятников внесли и пермские археологи (Казанцева, 2009, с. 46). В итоге восточная граница определилась памятниками среднего течения р. Сива (Загибовские I и II городища) и левобережья р. Тулвы (Красноярские I городище и могильник) (Казанцева, 2004; 2012; Останина, 1997, рис. 39; История Удмуртии, 2007, с. 188, рис. 3). Определилась и западная граница – правобережье р. Тоймы, правого притока Камы, верховье р. Кильмезь, левого притока

р. Вятки (Курекгуртское селище, городище Пек-Жикья).

В 1950–1960-е гг. отмечен рост разведывательных работ в Башкирии. Ежегодно с участием многих археологов шли поиски новых памятников. В ИИЯЛ БФ АН СССР с 1964 г. была открыта тема «Археологическая карта Южного Урала», в разработке которой предусматривалось участие археологов Башкирского госуниверситета и Института археологии АН СССР. Н.А. Мажитов в течение 6 лет с 1958 г. выявил ряд новых памятников в Бураевском, Балтачевском, Бирском и Аскинском районах. Большой вклад в полевые исследования внесли археологи-любители А.П. Шокуров, А.В. Коновалов, М.Ш. Рязанов, Ю.А. Морозов. В 1965–1970 гг. удалось собрать большой фактический материал. Это позволило подготовить и издать «Археологическую карту Башкирии» (1976).

Материалы «Археологической карты...» во многом облегчили Т.И. Останиной составление археологической карты мазунинской культуры на территории Башкирии. Кроме того, ею были визуально осмотрены коллекции памятников, хранящиеся в Башкирском университете и Музее археологии и этнографии УНЦ. В результате проделанной ею работы карта памятников бахмутинской (мазунинской) культуры резко увеличилась: к югу – среднее течение р. Белой, чуть южнее г. Уфы (Поселковское селище, Акбердинское Кыз-кала Тау городище). Увеличилась территория культуры на восток (до р. Ай), на запад (до р. Сюнь). В итоге территория из «незначительной» (по В.Ф. Генингу) стала занимать огромную площадь, равную 1/3

части современного Башкортостана и Удмуртии, а также северо-восточную часть Татарстана и юго-западную окраину Пермского края (Останина, 1997, с. 85, рис. 40; 41). Общее число памятников мазунинской культуры к 1997 г. уже насчитывалось 425 (Останина, 1997, с. 201–206). За последние 15 лет эта цифра памятников выросла в результате активных разведочно-охранных работ КВАЭ Удмуртского госуниверситета и деятельности археологов ИИЯЛ УНЦ РАН и Башкирского госуниверситета, но она не изменила, а подтвердила определенную в 1997 г. территорию культуры.

В 1967 г. В.Ф. Генинг дал характеристику топографии и погребального обряда могильников культуры. В это время ему было известно только 7 могильников, а некрополи же бахмутинской культуры им не были даже включены в их состав.

На 1997 г. Т.И. Останиной было зафиксировано 29 могильников и отдельных захоронений мазунинской культуры, из них два пьяноборских (Нырғында I, Афонинский), содержащих погребение раннего этапа (II–III вв.) мазунинской культуры. На 21-м некрополе были проведены крупномасштабные раскопки. В последние годы были выявлены, а также раскопаны еще ряд могильников (Тураевский грунтовой могильник, 266 погребений; Заборьинский, 30 погребений; Тарасовский, 1880 погребений; Боярский *Арай*, 183 погребения; Дубровский, 144 погребения). Всего в конце XX – начале XXI в. силами КВАЭ вскрыто 2503 погребения мазунинской культуры, а число могильников достигло 31.

На территории Башкортостана крупные раскопки были проведены на Ста-

ро-Муштинском курганно-грунтовым могильнике (III–IV вв.). Здесь было вскрыто 102 погребения (Сунгутов и др., 2004, с. 3–6). Продолжены раскопки на Бирском, Старо-Кабановском, Ангасьякском могильниках. Все это увеличило источниковедческую базу в исследовании памятников III – V вв. в Среднем Прикамье.

В отношении поселений культуры В.Ф. Генинг отмечал их слабую изученность. Характеризуя состав находок, он приводит только мелкие объекты (ямы, очаги), отдельные предметы и фрагменты керамики мазунинского времени в верхних слоях городища Чеганда I и городища Нырғында II (Генинг, 1967, с. 19). Указанные им предметы мазунинской культуры в результате последующих исследований оказались именьковскими (жернова, железное тесло).

Владимиром Федоровичем была разработана и типология городищ: выделено 5 типов укреплений по количеству валов и рвов и три группы городищ по размерам жилой площадки (Генинг, 1967, с. 19–22). В основе последней выделенной им типологии, как считает автор, лежит хронологический подход. Площадь городищ определялась временем их использования: чем меньше площадь памятника, тем он в более позднее время использовался. Согласно существующей в то время у исследователя схеме развития культур Прикамья эпохи железа, дату городищ он доводит до VIII–IX вв. В основу датировки групп были положены не находки в культурном слое (кроме фрагментов керамики, обнаруженных разведочным путем, чаще всего там не было датирующих предметов), а аналогии городищ подобных размеров в других археологических

культурах (ломоватовская, полумская). А это не всегда соответствует действительности.

Автор данной статьи в 1997 г. провел классификацию 118 городищ культуры, в основе которой были положены два признака – площадь (как у В.Ф. Генинга) и мощность культурного слоя. Выявилось, что причина появления городищ с разной площадью и разной системой укрепления оказалась связанной с их функциональным назначением. Выделены городища – сторожевые крепости, одноплощадочные и многоплощадочные городища-поселения. Нами был сделан вывод: «...чем ниже мыс, на котором располагалась площадка городища, чем больше сооружалось защитных укреплений, чем дальше городище-поселение от крупных рек, тем длительнее время его существования» (Останина, 1997, с. 90). Картографирование городищ-крепостей вывели нас на закономерности их расположения. Так, городища-крепости располагались в основном в пограничных районах, на западной и восточных окраинах, где более всего велика возможность нападения враждебных племен. Самой безопасной для проживания мазунинского населения оказалось территория нижнего и среднего течения р. Б. Таныпа, левого притока р. Белой, а также р. Бирь.

К 1967 г. крупномасштабных раскопок на однослойных памятниках (селищах, городищах) не проводилось на всей территории культуры, поэтому В.Ф. Генинг только в предположительной форме высказал идею о существовании «наземной конструкции мазунинских жилищ» (Генинг, 1967, с. 23). В конце 1960 – начале 1980 гг. на исследование поселений с богатым культурным слоем было

обращено особое внимание как башкирскими (В.А. Иванов, Н.А. Мажитов, Г.И. Матвеева), так и удмуртскими (Т.И. Останина, О.А. Казанцева) археологами (Останина, 1997, табл. 24). При раскопках Постольского, Сосновского, Чужьяловского, I Казакларовского городищ было обнаружено 5 жилищ. Жилищные пятна фиксировались по смеси темно-серой супеси, угля, гумуса, кусочков прокаленной глины мощностью 4–15 см. При перепаде высот площадки под будущий дом, пол выравнивался, подрезался на глубину 20–30 см (I Казакларовское городище). Исследование объектов внутри жилищного пятна, использование этнографического материала позволили получить представление о жилищах. Это были наземные, срубной конструкции, деревянные сооружения, поставленные на поверхность или на материк, или на глину. Обязательными элементами интерьера дома были нары-лежанки, один-два открытых очага, две или четыре хозяйственных ямы (Останина, 1988, с. 72, 73; 1997, с. 98; 2007, с. 190–191).

В дальнейшем Е.М. Черных попыталась интерпретировать использование раннесредневековым населением обнаруженных жилищ на Сосновском и Постольском, Чужьяловском городищах. Жилища с большой площадью (100–120 кв. м), по ее мнению, трактуются как общественные дома, а малой площадью (30–40 кв. м), как дома больших патриархальных семей (Черных, 2010, с. 122–124).

Керамический комплекс культуры был в поле научного интереса Владимира Федоровича, но он изучался им только на основе находок обломков сосудов из многослойного городища Чеганда I (IV в. до н.э. – VII в. н.э.).

При большом числе разнокультурного керамического материала городища, да если еще подобный культурный анализ делается впервые, то не исключены были ошибки в культурной интерпретации керамики. Что и произошло с характеристикой мазунинской керамики. В первой работе «Археологические памятники Удмуртии» (1958) к сосудам мазунинской культуры он отнес находки из верхних слоев культурного слоя городища. Это оказалась керамика именьковской культуры: плоскодонные сосуды, грубые по внешней обработке, в глиняном тесте примесь дресвы, песка, мелкой гальки, поверхность украшена глубокими ямками (Генинг, 1958, с. 76–78).

В научном сборнике «Памятники мазунинской культуры» (1967) группе плоскодонных горшков он относит уже к чуждой мазунинской культуре типу керамики (Генинг, 1967, с. 35). Дает новую характеристику глиняной посуды: круглодонная, чаще всего высоких пропорций, орнамент сосудов беден, поверхность грубо обработана, в тесте песок, шамот (Генинг, 1967, с. 32). Если первых три признака, как показали наши исследования, свойственны керамике мазунинской культуры, то два последних характерны для именьковской посуды.

Только раскопки однослойных поселений дали возможность изучить характер керамического комплекса культуры. Это было сделано автором статьи и башкирским археологом В.А. Ивановым (Иванов, Останина, 1983, с. 120–125; Останина, 1997, с. 98–101). В результате исследования большого массива керамического материала по программе, предложенной в 1971 г. В.Ф. Генингом, морфологическому анализу было подвергнуты

керамические коллекции шести городищ (Постольское, Сосновское, Чужьяловское, Юмакаевское, I Казакларовское, Барьязы). Выявлены основные признаки керамики: сосуды округлодонные, внешняя поверхность хорошо обработана, в состав глиняного теста входит растительность, раковина, песок (удмуртская группа памятников), песок и мелкая галька (башкирская группа памятников). Сосуды были средних и больших размеров (от 16 до 35 см), орнамент бедный и относительно редко встречается (Останина, 1997, с. 98–100).

Для классификации вещевого материала памятников Прикамской Удмуртии, в том числе мазунинской культуры, в 1960-е гг. для исследователей была характерна краткость, иногда и формальность, в ее изложении. Вся характеристика вещевого материала, данная В.Ф. Генингом в научном сборнике «Памятники мазунинской культуры», сводилась к перечислению основных категорий и внешнему описанию (Генинг, 1967, с. 23–35; Генинг, Мырсина, 1967, с. 90–96; Генинг, 1967а, с. 125–129). Классификация, по сути дела, превратилась в фиксацию наличия той или иной категории в погребальном инвентаре. Для большинства категорий вещей на данном объеме материала нельзя было разработать типологию (например, для гривен, браслетов, подвесок, пронизок). Недостаточное внимание к характеристике вещевого материала раннебахмутинских комплексов можно наблюдать и в основной работе Н.А. Мажитова – «Бахмутинская культура» (1968). Характеристика вещевого материала в данной работе перемежается с описанием погребального обряда и сводится к перечислению категорий

вещей (Мажитов, 1968, с. 12–24). Об их типологии и роли в вещевом материале культуры приходится только догадываться. Недостаточное внимание авторов к вещевому материалу приводит к слабой аргументации в выделении специфических для культуры типов вещей. Многие аттрактивные вещи, даже при единичных находках, превращаются в характерные для всех памятников археологической культуры. В 1967 г. В.Ф. Генинг выделяет 8 категорий вещей (Генинг, 1967, с. 55–56), встречающихся только на памятниках мазунинской культуры (бабочковидные фибулы; височные подвески в виде кольца и отвисающего книзу стержня с бусиной; поясные застёжки в виде крючка и петли; бляхи-накладки из раковин; умбоновидные бляшки; молоточковидные подвески-пронизки; поясные накладки прямоугольной формы с насечками и выемками и сердцевидной формы; круглодонные сосуды из глины с примесями песка и изредка мелкотолченых раковин, орнаментированных очень редко пояском ямок по шейке и насечками по венчику). В 1972 г. В.Ф. Генинг число специфических категорий (археолого-этнический комплекс по В.Ф. Генингу) сокращает до двух (керамика, височные подвески), но при этом выделяет еще комплекс предметов, характерных для удмуртской и башкирской групп памятников (Генинг, 1972, с. 249–240). В монографии «Этническая история Южного Приуралья в I тысячелетии н.э.» (1988) число специфических предметов культуры исследователь доводит до трех (височные подвески, гривны с напускными бусами, круглодонные чашевидные сосуды с пояском ямок по шейке).

Проведенные в 1970–1980 гг. крупномасштабные раскопки мазунинских могильников позволили выработать типологию 39 категорий предметов, обнаруженных в 13 некрополях. Анализу было подвергнуто около 30 тыс. находок [Останина, 1997, с. 33–80]. В результате их исследования Т.И. Останиной были выявлены артефакты, характерные для культур всей лесной зоны I тыс. н.э., предметы пережиточного характера, отражающие специфику предыдущих культур. Типологический анализ погребального инвентаря позволил ей выделить предметы с этнической нагрузкой. Определены предметы, характерные для всего населения Среднего Прикамья (для памятников мазунинской культуры), а также территориально близких групп населения (памятники удмуртского и башкирского вариантов) (Останина, 1988 б, с. 82–84; 1997, с. 170–172). Автор приходит к выводу о том, что выделенный комплекс специфических предметов культуры, не определяет культуру вообще, а лишь конкретные этапы ее временного развития. При определении культурной принадлежности памятника необходимо приводить лишь те специфические элементы, которые по хронологии одно временны данному памятнику (Останина, 1997, с. 171).

Датировка культуры. Ни одна культура Урала не имеет такого числа точек зрения по данной теме, как мазунинская. Так, основной исследователь культуры В.Ф. Генинг в первых работах, как уже отмечалось ранее, датировал ее III–VI вв. (1958, 1959), а потом III–V вв. (1961). В первых статьях отсутствовала какая-либо аргументация предложенных им дат. В статье «Мазунинская культура в Среднем

Прикамье» (1967) ученым был выделен специальный раздел «Хронология и развитие социально-экономических отношений». Он датирует культуру периодом с III в. до середины IX в. Если начало появления памятников культуры, как считал Владимир Федорович, достаточно твердо определяется по аналогиям вещей из могильников культуры, то с датировкой ее поздней даты – VI–IX вв. – «гораздо хуже обстоит дело» (Генинг, 1967, с. 36). Она была сделана им, опираясь на косвенные данные, по аналогии к находкам монет могильника Мыдланьшай, памятника поломской культуры бассейна р. Чепцы. Согласно созданной им концепции развития культур Прикамья в эпоху железа культуры должны сосуществовать. Соответственно выделенные им хронологические этапы, как отмечает исследователь, «условно датируются» на основе дат, даже не изученных к этому времени городищ, но отнесенных им к VI–IX вв. (Генинг, 1967, с. 36). Недостаточная обоснованность поздней даты культуры была в свое время отмечена В.М. Васюткиным (Васюткин, 1971, с. 97–101).

В последующих своих работах ученый останавливается на единственной дате культуры – III–V вв., при этом ничем не доказывая ее интервалы (Генинг, 1972, с. 235–241; 1988). Хотелось бы отметить тот факт, что на имеющемся в то время вещевом материале очень трудно было определить даты культуры. Как оказалось при дальнейшем исследовании, он происходил из трех могильников (Мазунинский, Сайгатский, Ижевский), которые позднее были отнесены нами к раннему этапу существования культуры (III–IV вв.) (Останина, 1997, с. 119, 122, 123). В это же время другие ученые давали

следующие даты мазунинской (ранний этап бахмутинской) культуры: Н.А. Мажитов – II–IV вв. (1968, с. 18), С.М. Васюткин – III–V–VII (1971, с. 100), А.К. Амброз – IV–VII вв. (1971, с. 10). Прделанная в 1971 г. А.К. Амброзом «хронологизация археологических фактов» на основе эволюции фибул и поясной гарнитуры оказалась не совсем удачной. Причиной этого послужила, как он сам отмечает, недостаточно разработанная классификация вещевого материала в силу его малого количества.

Для разработки относительной и абсолютной хронологии необходим был массовый, типологически разнообразный материал. Им стали располагать исследователи только после масштабных раскопок, прежде всего поздних памятников или содержащих более поздние погребения (Югомашевский, Старо-Кабановский, Покровский, Усть-Сарапульский, Нивский, Ижевский, Тарасовский). На новом материале Т.И. Останина взялась за разработку хронологии вещей мазунинской культуры. Были привлечены и погребальные комплексы ранее известных могильников. Для работы были взяты только те погребальные комплексы, куда входили самые массовые, типологически разнообразно представленные категории вещей (фибулы, височные подвески, поясные накладки). Идею обратить внимание на эволюцию именно этих категорий, прежде всего на размеры и число валиков на шитке, подал автору в 1980 г. В.Ф. Генинг. В 1983 г. были опубликованы первые результаты исследования проблемы хронологии вещей (Останина, 1983, с. 72–79), а в 1997 г. изучение темы было продолжено. Кроме того, была разработана

хронология украшений, характерных для башкирского варианта культуры, а также хронология распространения самых массовых находок – бус. Автор приходит к выводу, «представленный вещевого и бусинный материал из могильников мазунинской культуры позволяет определить ее нижнюю и верхнюю даты – III–V вв.» (1997, с. 112). Эти выводы подкреплены корреляционными таблицами и рисунками. Разработки по хронологии позволили автору определить даты использования всех известных к тому времени могильников и выйти на решение проблемы развития социальной структуры мазунинского общества.

С предложенной В.Ф. Генингом, а за ним Т.И. Останиной, верхней датой мазунинской культуры соглашаются исследователи и в последнее время. Специалист в области изучения пьяноборской культуры Б.Б. Агеев датирует мазунинскую культуру IV–V вв. (Агеев, 1992, с. 108). Омоложение им культуры можно объяснить неверно определенной датировкой Ново-Сасыкульского могильника (по Б.Б. Агееву II–III вв., в действительности II в.), о чем уже писалось автором (Останина, 1997, с. 112–114).

Датировка мазунинской культуры является предметом постоянного внимания Р.Д. Голдиной. Еще в 1987 г., разрабатывая концепцию истории пермских народов по данным археологии, исследовательница относила мазунинские памятники Удмуртского Прикамья к поздней стадии чегандинской культуры, датируя их II–V вв. н.э. (1987, с. 13). В последующих крупных исследованиях она уверенно предлагает дату III–V вв., оставаясь на прежней интерпретации памятников (поздний или мазунинский этап че-

гандинской культуры) (Голдина, 1999, с. 226; Голдина, Бернц, 2010, с. 157). Также согласны с разработанной В.Ф. Генингом датой существования мазунинской культуры, хотя называя ее бахмутинской (ранний этап), в последнее время башкирские археологи (Мажитов, Султанова, 1994, с. 96; Сунгаитов и др., 2004, с. 4).

Погребальный обряд. Этому элементу мазунинской культуры В.Ф. Генинг во всех своих крупных работах уделяет особое внимание. При публикации могильников культуры (Мазунинский, Ижевский) описание погребального обряда всегда находится на первом месте (Генинг, Мырсина, 1967, с. 86–90; Генинг, 1967, с. 123–125). А в своей обобщающей статье, посвященной мазунинской культуре, исследователь приводит список основных элементов погребального обряда. Он сводится к следующему: «грунтовые неглубокие могильные ямы прямоугольной формы; деревянный гроб (ящик или колода) или каменный ящик; положение костяка вытянуто на спине; преобладание северо-восточной и северо-западной ориентации; отсутствие на костяке украшений; железные ножи у бедер большинства захороненных и почти полное отсутствие прочих орудий труда и оружия; поясной ремень уложен вдоль тела умершего; фибулы-застежки на груди мужских костяков; берестяные коробочки с жертвенными комплексами рядом с умершим; состав жертвенных комплексов мужских захоронений: височные подвески, ожерелья, браслеты; состав жертвенных комплексов женских захоронений: височные подвески, фибулы, ожерелья, пряжки, мелкие орудия труда (ножи, шилья)» (Генинг, 1967, с. 55).

Исследование погребального обряда, проведенное автором настоящей статьи на большом объеме – 14 могильников, содержащих 1529 погребений, позволили уточнить и понять содержание ряда элементов погребального обряда. Так, признак «наличие гробов» оказался зафиксированным только у 16% погребений. На Покровском, Ижевском, Красноярском могильниках, где хорошо сохранялась органика, гробы зафиксированы единично (6,8–7%). Таким образом, существовали и другие способы изоляции покойника от земли, это были не всегда гробы. В положении покойного ориентировка на стороны света не имела большого значения. Ориентировка на каждом некрополе оказалась разной, и определялась она рекой: умершие лежали головой к реке (49,1–100%) или ногами к ней (28–98,8%). Отсутствие на костяке украшений было зафиксировано только у 1/10–1/3 части захоронений. Определена большая роль ножей в погребальном обряде. Они найдены в 41% захоронений. Хотя зафиксировано 6 вариантов их расположения, но господствующим оказалось положение на поясе, что верно отметил В.Ф. Генинг. Утверждение Владимира Федоровича о положении фибул только на груди мужчин не нашло своего доказательства. Из всего массива погребений с фибулами, имеющими поло-возрастные определения (46 погребений), только 4 захоронения оказались мужскими, а остальные женскими (Останина, 1997, с. 29). Автором этих строк тщательно изучены признаки жертвенных комплексов, состав и место в погребальном обряде, для чего использованы данных 292 захоронений. Дано определение указанного элемента обряда. Оказалось, что обычай

класть вещи в виде жертвенного комплекса имеет наибольшее распространение в женских погребениях, очень редко в мужских (в удмуртской группе памятников – 2,4%). Итак, не все выделенные В.Ф. Генингом признаки погребального обряда нашли свое отражение и доказательство в последующих исследованиях. В.Ф. Генинг обратил внимание только на элементы обряда, что «лежало на поверхности», при этом верно дав характеристику погребального сооружения и наличия жертвенного комплекса, впервые введенного им понятия. Подтвердив значительным цифровым материалом, Т.И. Останина выявила основные 7 признаков погребального обряда мазунинской культуры. Они представляют собой цельную и специфическую систему действий по заботе об умершем (1991, с. 80–84; 1997, с. 31).

Как уже отмечалось ранее, в последние 20 лет резко выросло число вскрытых погребений мазунинской культуры, благодаря крупномасштабным раскопкам КВАЭ. В коллективных работах, посвященных материалам исследованных мазунинских могильников с большим числом погребений (Тарасовский, Тураевский I), авторами выявляются те же признаки погребального обряда, что и выделенные в свое время Т.И. Останиной (Голдина, Бернц, 2010, с. 85–87), которые они сводятся к следующему:

1. Все могильники грунтовые, находятся на господствующей части местности, у рек.

2. Погребальные сооружения – узкие, длинные, неглубокие, без дополнительных конструкций, прямоугольные ямы.

3. Умершие лежат вытянуто на спине, руки уложены вдоль тела.

4. Ориентировка умерших определяется рекой.

5. Состав погребального инвентаря определяется полом, возрастом, социальным положением умершего.

6. В системе расположения инвентаря в могиле выделяются две тенденции. Первая – вещи размещены при костяке так, как их носили при жизни. Вторая – сопровождающий только съемный инвентарь лежит в необычных для него положениях. Последняя тенденция превалирует и проявляется в наличии *жертвенных комплексов*, в размещении поясов на теле умершего и т.д. (Останина, 1997, с. 31; Голдина, Бернц, 2010, с. 86, 87, 159).

Руководитель Камско-Вятской археологической экспедиции, доктор исторических наук Р.Д. Голдина в монографии «Древняя и средневековая история удмуртского народа» (1999), характеризуя пьяноборскую историко-культурную общность, считает термин «жертвенный комплекс» не совсем удачным, предлагая заменить его подарочным набором, в связи с включением в могилу дополнительных украшений (Голдина, 1999, с. 215).

По поводу названия «скопления вещей, уложенных в берестяной туесок, поставленный в определенное место» – жертвенный или подарочный (по Р.Д. Голдиной) комплекс, автор статьи считает название, данное В.Ф. Генингом, наиболее удачным. Наличие «дублирования» погребального инвентаря (одна категория предметов в могиле находится в двух местах: в жертвенном комплексе и вне его) наблюдается не на всех могильниках. На имеющемся пока археологическом материале очень трудно объяснить, чем руководствовались люди, хоронившие умерших мазунин-

цев, поставившие в могилу туески с вещами (скорее, эта была жертва, чем подарок – подарки дарят живым людям).

Происхождение и дальнейшая судьба (место в истории). Эти вопросы интересовали В.Ф. Генинга с первых шагов изучения культуры. В работах по осмыслению результатов изучения шести могильников, которые по инвентарю, на первый взгляд, резко отличались от пьяноборских памятников, мнение ученого сводилось к тому, что мазунинская и близкая к ней бахмутинская культура сложились на основе продвижения южно-уральских или западно-сибирских угорских племен (1959, с. 201). Но если бахмутинская культура появилась в результате слияния пришлых племен с местным населением культуры типа Кара-Абыз и ее позднейших аналогов, то мазунинская – только пришельцы с востока. Они полностью вытеснили пьяноборские племена, которые ушли на запад, с правобережных районов Прикамской Удмуртии (1958, с. 78). Исследователь, хотя сетует, что опубликованных исследований по бахмутинской культуре пока почти нет, но отмечает наибольшую близость к этой культуре мазунинцев. Он пишет: «... в сложении мазунинской культуры чувствуется большое влияние бахмутинской» (1959, с. 202). В своей итоговой работе по мазунинской культуре Владимир Федорович уже считает: «мазунинскую культуру в Среднем Прикамье следует рассматривать как синтез местных пьяноборских и пришлых групп населения, причем синтез весьма своеобразный» (1967, с. 53). По его мнению, женское население – потомки пьяноборско-ананьинских племен, которые относятся к перм-

ской языковой группе, а мужчины – угорские племена из Западной Сибири. В.Ф. Генинг считал, что «процесс сложения мазунинской, как и бахмутинской культуры проходил гораздо сложнее ... решающее значение в их формировании сыграли не местные, а пришлые племена» (1967, с. 54).

В 1950–1960 гг. ряд археологов не отличают памятники мазунинского типа от бахмутинских и объединяют их в одну археологическую культуру, сформированную на местной пьяноборской основе (Смирнов, 1957; Ахмеров, 1952; Мажитов, 1963; 1964). Это наблюдалось в начальный период разработки вопроса автохтонного происхождения культуры. У основного исследователя бахмутинской (мазунинской) культуры на территории Башкирии Н.А. Мажитова эта точка зрения эволюционировала. В монографии «Бахмутинская культура» (1968) он считал, что это были пьяноборские и карабызские племена (1968, с. 82), а затем кроме местных племен пришельцы из степей Южной Сибири (1977, с. 178).

Появление нового материала, прежде всего, на территории Башкирии (раскопки Ангасякского, Старо-Кабановского могильников, разведочные данные о Мало-Качаковском и Юго-машевском могильниках) привели В.Ф. Генинга к отказу от прежней точки зрения о прошлом характере происхождения мазунинской культуры. В статье «Южное Прикамье в III–VII вв.» (1972) он отмечает, «что основным содержанием III–V вв. является дальнейшее развитие местного населения, когда ... произошли значительные перегруппировки и перемещения его на территории Приуралья. И только в V в. н.э. в Приуралье

хлынул большой поток различных племен неуральского происхождения» (Генинг, 1972, с. 222). Он приходит к выводу о том, что базой для формирования мазунинской культуры стала экспансия карабызских племен и смешение их с близким по культуре чегандинским (пьяноборским – Т.О.) населением» [Генинг, 1972, с. 241]. С начала 1990-х гг. точка зрения об автохтонности мазунинской культуры стала господствующей. Так, Б.Б. Агеев и А.Х. Пшеничнюк доведя верхнюю дату карабызской культуры до III в., отводят значительную роль ее племен в формировании мазунинской культуры (Агеев, 1992, с. 108). А.Х. Пшеничнюк даже предположил, что в III в. карабызская культура и сформировавшаяся на ее основе мазунинская могли сосуществовать (1987, с. 73). О внутреннем перемещении карабызских племен в эпоху конца раннего железного века пишет Владимир Федорович в своей последней монографии по данной теме (1988, с. 39).

Н.А. Мажитов, всегда высказывающийся за автохтонное происхождение бахмутинской (ранний этап) культуры, в монографии «Истории Башкортостана. С древнейших времен до XVI века» (1994) высказал мысль, что в III–IV вв. происходит «... активный процесс смешения и ассимиляции местных племен со стороны пришельцев». Пришельцы – кочевые племена – пришли из южных степей и принадлежат к тюркской языковой группе (Мажитов, Султанова, 1994, с. 97), таким образом, удревняется дата формирования башкирского народа.

Исследование вещевого материала и погребального обряда из 13 могильников автором статьи выявлена высокая степень сходства между ма-

зунинской и пьяноборской культурами, а также между пьяноборской и карабызской культурами (Останина, 1997, с. 174). Доказано, что в благоприятной социально-экономической обстановке на рубеже II–III вв. происходит формирование качественно новой культуры – мазунинской. Для IV–V вв. свойственна была стабильность, массовость и традиционность форм вещей погребального инвентаря, что отражает этническую стабильность населения. Лишь в конце IV–V вв. наблюдаются небольшие инородческие включения, которые выразились в существовании трех смешанных курганно-грунтовых памятников на р. Каме (I Тураевский, Старо-Муштинский, Кудашевский могильники).

Башкирские археологи в последние годы доказали, что «... до середины I тыс. н.э. в Прикамье и Приуралье финно-пермский этнос оставался доминирующим. Это выразилось в существовании памятников мазунинской культуры в Прикамье, которые типологически (и генетически) восходят к могильникам пьяноборской культуры» (Иванов и др., 2013, с. 29).

Подобной же точки зрения на происхождение придерживается и видный археолог Р.Д. Голдина. Следует отметить, что у исследовательницы имеется особая точка зрения на мазунинскую культуру. Памятники Среднего Прикамья III–V вв. она относит к позднему (мазунинскому) этапу чегандинской культуры пьяноборской культурно-исторической общности (Голдина, 1987, с. 13; 1999, с. 226; 1999, с. 226; Голдина, Бернц, 2010, с. 157–160).

Дальнейшая судьба населения мазунинской культуры всегда волновала В.Ф. Генинга, хотя в первых своих

трудах он определял лишь языковую принадлежность носителей (угры, тюрки или самоеды). Только в 1967 г. он пишет: «... южная группа мазунинского населения вошла, видимо, в состав северных башкир (племеней), а северная приняла участие в формировании шарканской, воткинской и ижевской групп удмуртов» (Генинг, 1967 б, с. 278). Он считал, что северные районы мазунинской культуры в большей степени сохранили местные элементы культуры, вероятно, пермский язык (пьяноборского типа). В статье «Южное Приуралье в III–VII вв. н.э.» (1972) на основании материалов только Бирского могильника он выделяет позднемазунинский археолого-этнический тип, в котором в V–VII вв. сохранились признаки мазунинской культуры, но с некоторыми особенностями (Генинг, 1972, с. 257). В следующей работе (1988) ученый считал, что в бассейне р. Белой мазунинское население, смешавшись с пришельцами из Сибири, вошло в кушнаренковский массив, просуществовавший до VII–VIII вв. На территории юга Удмуртии он предполагал наличие памятников позднее VI в. и сожалел об их отсутствии.

В результате крупномасштабных работ на юге Удмуртии КВАЭ в 1970–1980-е гг. были открыты и раскопаны поселения, содержащие как материалы мазунинской культуры, так и других, пришлых для данной территории, культур (кушнаренковская, караякуповская, именьковская). Это дало возможность Р.Д. Голдиной и Т.К. Ютиной (Ютина, 1984, с. 76–79) выделить верхнеутчанскую культуру VI–IX вв. По мнению Р.Д. Голдиной, указанная культура складывается, несомненно, на местной пьяноборско-мазунинской

основе (Голдина, 1987, с. 21). Утверждать о продолжении мазунинских традиций в памятниках южной части по имеющимся сейчас опубликованным источникам преждевременно, но решение проблемы дальнейшей судьбы мазунинской культуры в виде выделенной верхнеутчанской культуры имеет право на существование, хотя требует накопления нового материала. На сегодняшний день пока отсутствуют и погребальные памятники выделенной культуры, которые дали бы наибольшую информацию о средневековом населении.

В изучении судьбы удмуртской группы памятников мазунинской культуры интерес представляет мысль, высказанная в свое время В.А. Семеновым. А именно – участие мазунинских племен в формировании полемской культуры, предков северных удмуртов (1982, с. 75–77). При сравнительном анализе этих культур обнаруживается много общего как в вещевом материале, так и погребальном обряде, и в керамическом комплексе (История Удмуртии, 2007, с.206).

В решении вопроса дальнейшей судьбы южной части (башкирский вариант мазунинской культуры) имеется несколько точек зрения. Еще в 1987 г. Р.Г. Кузеев и В.А. Иванов считали, что в середине I тыс. н.э. в Приуралье образуется новая археологическая культура, генетически восходящая к мазунинской, но несущая в себе некоторые инновации неприуральского происхождения. Для нее, считали, они нуж-

но оставить название «бахмутинская культура» (V–VII вв. н.э.) (Кузеев, Иванов, 1987, с. 7). Эту же мысль, но со ссылкой на большую доказательную базу, высказал В.А. Иванов в коллективной монографии «Южный Урал в эпоху Средневековья» (Иванов и др., 2013, с. 26–28). Ближе к этой точке зрения и мнение автора, но с небольшим отличием, так как объединять в одну археологическую культуру как минимум представителей трех культур (турбаслинская, кушнарниковская, послемазунинская по В.Ф. Генингу) нецелесообразно. Автор предлагает подобную чересполосицу объединить одним термином – бахмутинский тип.

Итак, В.Ф. Генинг внес большой вклад в изучение мазунинской культуры. Кроме проведения полевых работ на памятниках культуры, он стремился на теоретическом уровне определить и атрибутировать основные черты культуры. Положительно и то, что ученый выделил основные направления, определившие задачи которые необходимо решать будущим поколениям археологов. Несмотря на слабую источниковедческую базу, он интуитивно приходил к верным выводам по проблемам культуры. Только новые материалы, полученные в результате крупномасштабных археологических работ как башкирских, так и удмуртских археологов на памятниках мазунинской культуры, позволили уточнить, дополнить, а иногда и опровергнуть взгляды видного исследователя.

ЛИТЕРАТУРА

1. Агеев Б.Б. Пьяноборская культура. – Уфа, 1992. – 139 с.
2. Амброз А.К. Проблемы раннесредневековой хронологии Восточной Европы // СА. – 1971. – № 3. – С. 106–134.

3. Археологическая карта Башкирии. – М.: Наука, 1976. – 234 с.
4. *Ахмеров Р.Б.* Некоторые вопросы этногенеза башкир по археологическим данным // СЭ. – 1952 – № 3. – С. 36–49.
5. *Васюткин С.М.* К дискуссии по бахмутинской культуре // СА. – 1971. – № 3. – С. 91–105.
6. *Генинг В.Ф.* Отчет об археологических исследованиях Удмуртской археологической экспедиции в 1954 г. / Архив ИА РАН. – Р-1. – Д. 963.
7. *Генинг В.Ф.* Отчет об археологических исследованиях Удмуртской археологической экспедиции в 1955 г. / Архив ИА РАН. – Р-1. – Д. 1105.
8. *Генинг В.Ф.* Отчет об археологических исследованиях Удмуртской археологической экспедиции в 1956 г. / Архив ИА РАН. – Р-1. – Д. 1378.
9. *Генинг В.Ф.* Археологические памятники Удмуртии. – Ижевск, 1958. – 191 с.
10. *Генинг В.Ф.* Очерк этнических культур Прикамья в эпоху железа // Труды Казанского филиала АН СССР. Серия гуманитарных наук. – Т. 2. – Казань, 1959. – С. 157–220.
11. *Генинг В.Ф.* Мазунинская культура в Среднем Прикамье // Памятники мазунинской культуры / ВАУ. – Вып. 7. – Ижевск; Свердловск, 1967. – С. 7–84.
12. *Генинг В.Ф.* Ижевский могильник IV–V вв. // Памятники мазунинской культуры / ВАУ. – Вып. 7. – Свердловск; Ижевск, 1967а. – С. 123–140.
13. *Генинг В.Ф.* Этногенез удмуртов по данным археологии // Вопросы финно-угорского языкознания. – Вып. IV. – Ижевск, 1967б. – С. 262–270.
14. *Генинг В.Ф.* Южное Приуралье в III–VII вв. н.э. (проблема этноса и его происхождения) // Проблемы археологии и древней истории угров. – М.: Наука, 1972. – С. 221–295.
15. *Генинг В.Ф., Мырсина Е.М.* Мазунинский могильник // Памятники мазунинской культуры / ВАУ. – Вып. 7. – Свердловск; Ижевск, 1967. – С. 85–115.
16. *Генинг В.Ф., Стоянов В.Е.* Итоги археологического изучения Удмуртии (Камско-Вятское междуречье) // ВАУ. – Вып. 1. – Свердловск, 1961. – С. 76–90.
17. *Голдина Р.Д.* Проблемы этнической истории пермских народов в эпоху железа (по археологическим материалам) // Проблемы этногенеза удмуртов. – Устинов, 1987. – С. 6–37.
18. *Голдина Р.Д.* Древняя и средневековая история удмуртского народа. – Ижевск, 1999. – 464 с.
19. *Голдина Р.Д., Бернц В.А.* Тураевский I могильник – уникальный памятник эпохи великого переселения народов в Среднем Прикамье. – Ижевск, 2010. – 499 с.
20. *Иванов В.А., Злыгостев В.А., Антонов И.В.* Южный Урал в эпоху Средневековья (V–XVI века н.э.). – Уфа, 2013. – 280 с.
21. *Иванов В.А., Останина Т.И.* К вопросу о бахмутинско-мазунинской проблеме (по материалам поселений) // Поселения и жилища древних племен Южного Урала. – Уфа, 1983. – С. 104–127.
22. История Удмуртии: С древнейших времен до XV в. / Под ред. М.Г. Ивановой. – Ижевск, 2007. – 304 с.
23. *Казанцева О.А.* Каталог археологических памятников Бардымского района Пермской области. – Ижевск, 2004. – 174 с.

24. *Казанцева О.А.* Археологические памятники Бардымского района // От прошлого к настоящему. – СПб., 2009. – С. 35–78.
25. *Казанцева О.А.* Красноярский могильник I–V вв. н.э. в бассейне р. Тулвы Среднего Прикамья. – Ижевск, 2012. – 180 с.
26. *Кузеев Р.Г., Иванов В.А.* Дискуссионные проблемы этнической истории населения Южного Урала и Приуралья // Проблемы средневековой археологии Урала и Поволжья. – Уфа, 1987. – С. 5–18.
27. *Мажитов Н.А.* Ранние памятники бахмутинской культуры // ВАУ. – Вып. 2. – Свердловск, 1962. – С. 65–71.
28. *Мажитов Н.А.* К изучению археологии Башкирии I тысячелетия нашей эры // АЭБ. – Т. 1. – Уфа, 1964. – С. 101–110.
29. *Мажитов Н.А.* Бахмутинская культура. – М.: Наука, 1968. – 161 с.
30. *Мажитов Н.А.* Южный Урал в VII–XIV вв. – М.: Наука, 1977. – 239 с.
31. *Мажитов Н.А., Султанова А.Н.* История Башкортостана с древнейших времен до XVI века. – Уфа, 1994. – 360 с.
32. *Останина Т.И.* К вопросу о хронологии памятников мазунинской культуры // Этнические процессы на Урале и в Сибири в первобытную эпоху. – Ижевск, 1983. – С. 72–79.
33. *Останина Т.И.* Городище мазунинской культуры около ст. Постол Удмуртской АССР // Новые археологические памятники Камско-Вятского междуречья. – Ижевск, 1988. – С. 65–78.
34. *Останина Т.И.* Мазунинская археологическая культура в Среднем Прикамье. К вопросу определения археолого-этнического комплекса культуры // КСИА. – Вып. 194. – М., 1988а. – С. 80–85.
35. *Останина Т.И.* Погребальный обряд населения Среднего Прикамья в III–V вв. // Материалы по погребальному обряду удмуртов. – Ижевск, 1991. – С. 76–91.
36. *Останина Т.И.* Население Среднего Прикамья в III–V вв. – Ижевск, 1997. – 326 с.
37. *Пшеничнюк А.Х.* Исследования по раннему железному веку // Вопросы древней и средневековой истории Южного Урала. – Уфа, 1987. – С. 67–76.
38. *Семенов В.А.* Два памятника мазунинской культуры в Прикамской Удмуртии // Памятники мазунинской культуры / ВАУ. – Вып. 7. – Ижевск; Свердловск, 1967. – С. 119–122.
39. *Семенов В.А.* К вопросу об этническом составе населения бассейна р. Чепцы по данным археологии // Материалы к этногенезу удмуртов. – Ижевск, 1982. – С. 43–62.
40. *Смирнов А.П.* Железный век в Башкирии // МИА. – № 58. – М., 1957. – С. 6–113.
41. *Смирнов А.П.* К вопросу об археологической культуре // СА. – 1964. – № 4. – С. 3–11.
42. *Стоянов В.Е.* Сайгатский могильник на Средней Каме // ВАУ. – Вып. 4. – Свердловск, 1962. – С. 117–134.
43. *Сунгатов Ф.А., Гарустович Г.Н., Юсупов Р.М.* Приуралье в эпоху великого переселения народов (Старо-Муштинский курганно-грунтовой могильник). – Уфа, 2004. – 172 с.

44. Черных Е.М. У истоков Уральского домостроительства. – Ижевск, 2010. – 160 с.

45. Шмидт А.В. Археологические изыскания Башкирской экспедиции АН СССР // Хозяйство Башкирии. – № 8–9. – Уфа, 1929. – С. 16–25.

46. Ютина Т.К. Предварительные итоги изучения археологических памятников эпохи средневековья в Южной Удмуртии // Памятники железного века Камско-Вятского междуречья. – Ижевск, 1984. – С. 71–94.

Информация об авторе:

Останина Таисия Ивановна, доктор исторических наук, старший научный сотрудник, Национальный музей Удмуртской Республики им. Кузубая Герда (г. Ижевск, Россия); tiostanina@gmail.com

EVOLUTION OF V.F. GENING'S VIEWS AND OTHER RESEARCHER'S VIEWS ON THE MAZUNINSKAYA CULTURE

T.I. Ostanina

The history of studies of the Mazunino culture (3rd–5th centuries AD) located in the Middle Kama region is traced. Vladimir Fyodorovich Gening, a prominent Soviet archaeologist, was the first to start research on this culture and offer its theoretical substantiation. As a result of surveys and excavations conducted in Udmurtia and Bashkiria starting 1954, he accumulated a vast archaeological material related to the culture. A thorough analysis of V.F. Gening's publications and essays on the Mazunino culture sites is provided. The evolution of the scholar's views regarding the culture basic elements (territory, implements, burial rite, dating, origin, cultural ties and further fate) are traced in the article. Later on, the study of new, previously unknown monuments made it possible to expand the knowledge of quite a number of problems related to the early Middle Ages in the Middle Kama River region, including those regarding the Mazunino culture. This resulted in the formation of differing viewpoints concerning the culture among both V.F. Gening's contemporaries and further generation of researchers, and their views are also discussed and analyzed.

Keywords: the Kama River region, the early Middle Ages, the Mazunino culture, V.F. Gening, territory, implements, burial rite, ethnogenesis, discussions.

REFERENCES

1. Ageev, B. B. 1992. *P'ianoborskaia kul'tura (The Pyany Bor Culture)*. Ufa: Russian Academy of Sciences, Ural Branch, Bashkirian Scientific Center (in Russian).
2. Ambroz, A. K. 1971. In *Sovetskaia Arkheologiya (Soviet Archaeology)* (3), 106–134 (in Russian).
3. Bader, O. N. (ed.). 1976. *Arkheologicheskaya karta Bashkirii (Archaeological Map of Bashkiria)*. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).
4. Akhmerov, R. B. 1952. In *Sovetskaia etnografiia (Ethnography of Soviet Union)* (3), 36–49 (in Russian).
5. Vasiutkin, S. M. 1971. In *Sovetskaia Arkheologiya (Soviet Archaeology)* (3), 91–105 (in Russian).
6. Gening, V. F. *Otchet ob arkheologicheskikh issledovaniyakh Udmurtskoi arkheologicheskoi ekspeditsii v 1954 g. (Report on Archaeological Investigations of the*

Udmurt Archaeological Expedition in 1954). Archive of the Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences. R-1, dossier 963 (in Russian).

7. Gening, V. F. 1955. *Otchet ob arkhelogicheskikh issledovaniiax Udmurtskoi arkhelogicheskoi ekspeditsii v 1955 g. (Report on Archaeological Investigations of the Udmurt Archaeological Expedition in 1955)*. Archive of the Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences. R-1, dossier 1105 (in Russian).

8. Gening, V. F. 1956. *Otchet ob arkhelogicheskikh issledovaniiax Udmurtskoi arkhelogicheskoi ekspeditsii v 1956 g. (Report on Archaeological Investigations of the Udmurt Archaeological Expedition in 1956)*. Archive of the Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences. R-1, dossier 1378 (in Russian).

9. Gening, V. F. 1958. *Arkheologicheskie pamiatniki Udmurtii (Archaeological Sites of Udmurtia)*. Izhevsk: "Udmurtknigoizdat" Publ. (in Russian).

10. Gening, V. F. 1959. In *Trudy Kazanskogo filiala Akademii nauk SSSR. Seriya gumanitarnykh nauk (Proceedings of the Kazan Branch, Academy of Sciences of the USSR. Humanities Series)* 2. Kazan, 157–220 (in Russian).

11. Gening, V. F. 1967. In Medvedev, A. F. (ed.). *Pamiatniki mazuninskoi kul'tury (Sites of the Mazunino Culture)*. Series: *Voprosy arkhologii Urala (Problems of Archaeology of Ural)* 7. Izhevsk; Sverdlovsk, 7–84 (in Russian).

12. Gening, V. F. 1967. In Medvedev, A. F. (ed.). *Pamiatniki mazuninskoi kul'tury (Sites of the Mazunino Culture)*. Series: *Voprosy arkhologii Urala (Problems of Archaeology of Ural)* 7. Sverdlovsk; Izhevsk, 123–140 (in Russian).

13. Gening, V. F. 1967. In *Voprosy finno-ugorskogo iazykoznaniiia (Issues of the Finno-Ugric Linguistics)* IV. Izhevsk, 262–270 (in Russian).

14. Gening, V. F. 1972. In Smirnov, A. P., Chernetsov, V. N., Erdélyi, I. F. (eds.). *Problemy arkhologii i drevnei istorii ugrov (Issues of the Archaeology and Ancient History of the Ugric Peoples)*. Moscow: "Nauka" Publ., 221–295 (in Russian).

15. Gening, V. F., Myrsina, E. M. 1967. In Medvedev, A. F. (ed.). *Pamiatniki mazuninskoi kul'tury (Sites of the Mazunino Culture)*. Series: *Voprosy arkhologii Urala (Problems of Archaeology of Ural)* 7. Sverdlovsk; Izhevsk, 85–115 (in Russian).

16. Gening, V. F., Stoianov, V. E. 1961. In *Voprosy arkhologii Urala (Problems of Archaeology of Ural)* 1. Sverdlovsk, 76–90 (in Russian).

17. Goldina, R. D. 1987. In Atamanov, M. G. (ed.). *Problemy etnogeneza udmurtov (Issues of the Ethnic Genesis of Udmurts)*. Ustinov (Izhevsk): Research Institute at the Council of Ministers of Udmurt ASSR, 6–37 (in Russian).

18. Goldina, R. D. 1999. *Drevniaia i srednevekovaia istoriia udmurtskogo naroda (Antique and Medieval History of the Udmurt People)*. Izhevsk: Udmurt State University (in Russian).

19. Goldina, R. D., Bernts, V. A. 2010. *Turaevskii I mogil'nik – unikal'nyi pamiatnik epokhi velikogo pereseleniia narodov v Srednem Prikam'e (beskurgannaia chast') (Turaevo I Burial Ground, the Unique Site of the Great Migrations in the Middle Kama Area (the Part without Kurgans))*. Series: *Materialy i issledovaniia Kamsko-Viatskoi arkhelogicheskoi ekspeditsii (Proceedings and Research of the Kama-Vyatka Archaeological Expedition)* 17. Izhevsk: Udmurt University (in Russian).

20. Ivanov, V. A., Zlygostev, V. A., Antonov, I. V. 2013. *Iuzhnyi Ural v epokhu srednevekovia (V XVI veka n. e.) (Southern Urals in the Middle Ages (5th–14th Centuries AD))*. Ufa: Bashkir State Pedagogical University (in Russian).

21. Ivanov, V. A., Ostanina, T. I. 1983. In *Poseleniia i zhilishcha drevnikh plemen Iuzhnogo Urala (Settlements and Dwellings of the Ancient Tribes of Southern Ural)*. Ufa: Bashkirian Branch of the Academy of Sciences of the USSR, 104–127 (in Russian).
22. Ivanova, M. G. (ed.). 2007. *Istoriia Udmurtii: S drevneishikh vremen do XV v. (History of Udmurtia: from the Earliest Times to 15th Century AD)*. Izhevsk (in Russian).
23. Kazantseva, O. A. 2004. *Katalog arkheologicheskikh pamiatnikov Bardymskogo raiona Permskoi oblasti (Catalogue of Archaeological Sites of the Bardymsky District, Perm Oblast)*. Izhevsk (in Russian).
24. Kazantseva, O. A. 2009. In *Ot proshlogo k nastoiashchemu (From the Past to the Present)*. Saint Petersburg, 35–78 (in Russian).
25. Kazantseva, O. A. 2012. *Krasnoiaraskii mogil'nik I–V vv. n.e. v basseine r. Tulvy Srednego Prikam'ia (Krasny Yar Burial Ground from 1st–5th cc. AD in the Tulva River Basin, Middle Kama Area)*. Series: Materialy i issledovaniia Kamsko-Viatskoi arkheologicheskoi ekspeditsii (Proceedings and Research of the Kama-Vyatka Archaeological Expedition) 24. Izhevsk: Udmurt University (in Russian).
26. Kuzeev, R. G., Ivanov, V. A. 1987. In *Problemy srednevekovoi arkheologii Urala i Povolzh'ia (Issues of Medieval Archaeology of Ural and Volga Regions)*. Ufa, 5–18 (in Russian).
27. Mazhitov, N. A. 1962. In *Voprosy arkheologii Urala (Problems of Archaeology of Ural) 2*. Sverdlovsk, 65–71 (in Russian).
28. Mazhitov, N. A. 1964. In *Arkheologiya i etnografiya Bashkirii (Archaeology and Ethnography of Bashkiria) 1*. Ufa: Bashkirian Branch, Academy of Sciences of the USSR, 101–110 (in Russian).
29. Mazhitov, N. A. 1968. *Bakhmutinskaia kul'tura (Bahmutino Culture)*. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).
30. Mazhitov, N. A. 1977. *Iuzhnyi Ural v VII–XIV vv. (Southern Ural in 7th–14th Centuries)*. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).
31. Mazhitov, N. A., Sultanova, A. N. 1994. *Istoriia Bashkortostana s drevneishikh vremen do XVI veka (History of Bashkortostan from the Earliest Times to 16th Century)*. Ufa (in Russian).
32. Ostanina, T. I. 1983. In *Etnicheskie protsessy na Urale i v Sibiri v pervobytnuiu epokhu (Ethnic Processes in Ural and Siberia in Prehistory)*. Izhevsk, 72–79 (in Russian).
33. Ostanina, T. I. 1988. In Makarov, L. D. (ed.). *Novye arkheologicheskie pamiatniki Kamsko-Viatskogo mezhdurech'ia (New Archaeological Sites in the Kama and Vyatka Interfluves Area)*. Izhevsk: Udmurt State University, 65–78 (in Russian).
34. Ostanina, T. I. 1988. In *Kratkie soobshcheniia Instituta arkheologii (Brief Communications of the Institute of Archaeology) 194*. Moscow, 80–85 (in Russian).
35. Ostanina, T. I. 1991. In Ivanova, M. G., Shutova, N. I. (eds.). *Materialy po pogrebal'nomu obriadu udmurtov (Materials of the Funerary Rite of the Udmurts)*. Izhevsk, 76–91 (in Russian).
36. Ostanina, T. I. 1997. *Naselenie Srednego Prikam'ia v III–V vv. (Population of the Middle Kama Region in 3rd–5th Centuries AD)*. Izhevsk: Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Udmurtian Institute for the History, Language and Literature (in Russian).
37. Pshenichniuk, A. Kh. 1987. In Pshenichnyuk, A. Kh., Ivanov, V. A. (eds.). *Voprosy drevnei i srednevekovoi istorii Iuzhnogo Urala (Issues of Ancient and Medieval*

History of Southern Ural Region). Ufa: Bashkiria Branch of the USSR Academy of Sciences, 67–76 (in Russian).

38. Semenov, V. A. 1967. In Medvedev, A. F. (ed.). *Pamiatniki mazuninskoi kul'tury (Sites of the Mazunino Culture)*. Series: Voprosy arkheologii Urala (Problems of Archaeology of Ural) 7. Izhevsk; Sverdlovsk, 119–122 (in Russian).

39. Semenov, V. A. 1982. In *Materialy k etnogenezu udmurtov (Materials on the Ethnic Genesis of the Udmurt People)*. Izhevsk, 43–62 (in Russian).

40. Smirnov, A. P. 1957. In *Materialy i issledovaniia po arkheologii (Materials and Studies in the Archaeology)* 58. Moscow, 6–113 (in Russian).

41. Smirnov, A. P. 1964. In *Sovetskaia Arkheologiia (Soviet Archaeology)* (4), 3–11 (in Russian).

42. Stoianov, V. E. 1962. In *Voprosy arkheologii Urala (Problems of Archaeology of Ural)* 4. Sverdlovsk, 117–134 (in Russian).

43. Sungatov, F. A., Garustovich, G. I., Yusupov, R. M. 2004. *Priural'e v epokhu velikogo pereseleniia narodov (Staro-Mushtinskii kurganno-gruntovyi mogil'nik) (Cis-Urals Area during the Great Migrations: Staraya Mushta Burial Ground)*. Ufa: "Ufimskii poligrafkombinat" Publ. (in Russian).

44. Chernykh, E. M. 2010. *U istokov Ural'skogo domostroitel'stva (At the Origins of Housebuilding in the Ural)*. Izhevsk (in Russian).

45. Shmidt, A. V. 1929. In *Khoziaistvo Bashkirii (Bashkirian Economy Magazine)* 8–9. Ufa, 16–25 (in Russian).

46. Iutina, T. K. 1984. In Pliushchevskii, B. G. (ed.). *Pamiatniki zheleznogo veka Kamsko-Viatskogo mezhdurech'ia (Iron Age Sites in the Kama and Vyatka Interfluves Area)*. Izhevsk, 71–94 (in Russian).

About the Author:

Ostanina Taisiya I. Doctor of Historical Sciences. The National Museum of the Udmurt Republic named after Kuzebai Gerd. Kommunarov St., 287, Izhevsk, 426034, Russian Federation; tiostanina@gmail.com